

Максим Горький

Отшельник

Максим Горький

Отшельник

«Public Domain»

1922

Горький М.

Отшельник / М. Горький — «Public Domain», 1922

«Лесной овраг полого спускался к жёлтой Оке, по дну его бежал, прячась в травах, ручей; над оврагом – незаметно днём и трепетно по ночам – текла голубая река небес, в ней играли звёзды, как золотые ерши...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Максим Горький

Отшельник

Лесной овраг полого спускался к жёлтой Оке, по дну его бежал, прячась в травах, ручей; над оврагом – незаметно днём и трепетно по ночам – текла голубая река небес, в ней играли звёзды, как золотые ерши.

По юго-восточному берегу оврага спутанно и густо разросся кустарник, в чаще его, под крутым отвесом, вырыта пещера, прикрытая дверью, искусно связанной из толстых сучьев, а перед дверью насыпана укреплённая булыжником площадка в сажень квадрата, от неё к ручью спускаются лестницей тяжёлые валуны. Три молодых дерева растут перед дверью пещеры – липа, берёза и клён.

Всё около пещеры сделано хозяйственно и прочно, – на долгую жизнь. И так же прочно устроена внутренность её: бока и свод покрыты циновками из прутьев ивняка, циновки смазаны глиной, смешанной с илом ручья; налево от входа сложена небольшая печь, а в углу – аналой, покрытый, точно парчою, плотной рогожей, на аналое в железном держальце – лампадка, синеватый огонёк её колеблется, в сумраке, чуть виден.

За аналоем три чёрные иконы, на стенах висят связки новых лаптей, на полу лежит лыко, вкусный запах сухих трав наполняет пещеру.

Хозяин этого жилища – старик среднего роста, плотный, но весь какой-то измятый, искушенный. Лицо его, красное, точно кирпич, безобразно, левая щека разрезана от уха до подбородка глубоким шрамом, он искривил рот, придав ему выражение болезненно-насмешливое, тёмненькие глаза изувечены трахомой¹ – без ресниц, с красными рубцами на месте век, волосы на голове вылезли клочьями, и на бугроватом черепе – две лысины, одна – небольшая – на макушке, другая обнажила левое ухо. Но старик подвижен и ловок, точно хорёк; уродливо голые глаза его смотрят ласково; когда он смеётся, увечья лица почти исчезают в мягком обилии морщин. На нём хорошая рубаха небелёного полотна, синие пестрядинные штаны, верёвочные лапти, ноги до колен в заячьих шкурках вместо онуч.

Я пришёл к нему весёлым днём мая, и мы сразу подружились, он оставил меня ночевать, а во второе моё посещение уже рассказал мне свою жизнь.

– Я пильщик был, – сказывал он, лёжа под кустом калины, сняв рубаху и грея на солнце грудь, мускулистую не по-стариковски. – Я семнадцать лет брёвна резал, вот и рожу мне пила распахала. Так и звали меня – Савёл Пильщик. Пилить – это, дружба, не лёгкая занятая: машешь, машешь руками в небо, а на роже – сетка, а над головой – брёвна, и ничего не видать, и опилок на тебя сыплется – беда! А я – весёлый был, игристый, турманом жил, знаешь – голуби есть турмана: взовётся высоченно в небеса, в самую невидимую глубь, свернёт там крылья, головку под крыло и – бултых вниз! Многие убиваются насмерть, об крыши, об землю. Вот эдак и я. Весёлый я был, безобидный, вроде блаженного какого, бабы, девки любили меня, ну – как сахар, – верное слово. Что делалось! Вспомнить радостно...

И, перекатываясь с бока на бок, он смеялся звонко, как молодой, только в горле у него немного хрипело, смеху его ладно вторил ручей. Тепло вздыхал ветер; по нежным бархатам весенней листвы скользили золотистые зайчики.

– Ну-кошь, хлебнём, дружба, – предложил Савёл. – Тащи её!

Я сходил к ручью, – в нём холодила бутылка водки, – выпили по стаканчику. Закусывая кренделем и воблой, старик с восхищением говорил:

– Хорошо это придумано – винишко!

И, облизав седые, трёпаные усы:

¹ Хроническая вирусная болезнь, поражающая глаза и приводящая к слепоте – *Ред.*

– Ладная штука! Много я её не могу принять, а в малом качестве уважаю! Сказывают: первый водку сварил – бес. За хорошее дело и бесу спасибо...

Зажмурил глаза, умолк на минуту и вдруг воскликнул, протестуя:

– Ну, всё-таки обидели меня, – в кровь обидели! Эх, дружба, до чего же люди обижать навывали дружка дружку – даже стыдно. Щенком бездомным совесть живёт промежду нас, неприятно совести! Ну, – ладно. Был я женатый, всё как следует, жена – Натальей звали – красивая баба, мягкая. И жили мы с ней ничего, уютно, гуляла она несколько, ну – я сам человек отхожий, дома живу – мало, где какая баба получше, поласковее – той и пользуюсь. Дело обыкновенное, без него нельзя, а в крепкие годы ничего лучше не найдёшь. Бывало, приду домой, деньжонок принесу, того сего, а люди говорят: «Савёл, завязывай жене подол, когда из дому уходишь!» Смеются, значит. Ну, я её – для приличности – побью маленько, потом подарочек сделаю, приласкаю: «Дура, говорю, как же это ты насмех людям ставишь меня? Или я тебе неприятель али недруг какой?» Плачет, конечно. «Врут они», – говорит. Я сам знаю, что люди врать любят, ну однако меня не обманешь: ночь про бабу правду скажет, ночью сразу почувешь: была ли в чужих руках, али нет?

Что-то зашумело в кустах за его спиной.

– П-ш! – старик потряс рукою ветвь калины. – Ежишко тут живёт, намеренно ногу я наколол об него, иду мыться к ручью, а его в траве не видно, прямо в палец всадил себе колючку.

Он, улыбаясь, посмотрел в кусты и весь взметнулся, продолжая:

– Да, дружба! Так, вот, значит, и обидели меня, да – ведь как! Была у меня дочь Таша – Татьяна. Ну, хвастать не буду, в одном слове скажу: всему свету радость – вот такая дочь! Звезда! Наряжал я её, выйдет на улицу в праздник – божья красота! Походка ли, стан ли, глаза, – учитель наш Кузьмин – Сундук по прозвищу, неуклюж парень родился, так он её неведомым именем называл, а выпивши – до слёз доходил, всё упрасивал, чтоб я её берёг. Я – берёг. А был я удачлив, – этого у нас не любят, – зависть была ко мне, и пустили слушок, будто я изнасилел дочь – живу с ней.

Тревожно заёрзал по траве, снял с куста рубаху, надел её и тщательно застегнул ворот. Его лицо болезненно искривилось, он плотно сжал губы, и реденькие щетинки седых его бровей опустились на обнажённые глаза. Вечерело. Становилось свежо. Где-то бил перепел:

– Подъ-полоть...

Старик смотрел вниз, в овраг.

– Вот, значит, и пошло дымом дымить. Кузьмин, поп, писарь, кое-которые мужики, а особенно бабы зазвонили языками, забили во все бубны: катать-валяй, человек ошибся. Это праздничек нам, – человека травить, это мы любим. Таша плачет – на улицу выйти нельзя, мальчишки дразнят. Все рады – забава. Я говорю: уйдём, Таша...

– А жена?

– Жена? – удивлённо переспросил старик. – Так она же померла! Ночью, в одночасье, охнула да и померла. Как же! Она – задолго до этого, Таше тринадцатый шёл... Она была супротивна мне, нехорошая баба, неверная.

– Ты ведь хвалил её, – напомнил я. Это его не смутило; почесав шею, он приподнял ладонью бородку вверх и, глядя на неё, спокойно сказал:

– Так что, что хвалил? Всякий человек не всю жизнь плох, иной раз и плохой похвалы достоин. Человек – не камень, а и камень от времени меняется. Однако ты не подумай чего, – она своей смертью померла. Это от сердца она, – думать надо, – сердце у неё захлёбывалось; бывало, ночью играешь с ней, а она вдруг и обомлет, – вроде мёртвая бывала. Даже страшно!

Его мягкий сиповатый голосок звучал певуче, неумоимо и родственно сливался в тёплом воздухе вечера с запахом трав, вздохами ветра, шелестом листвы, тихим плеском ручья по камням. Замолчи он – и ночь будет не полна, не так красива и мила душе. Говорил Савёл удивительно легко, не затрудняясь поиском слов, одевая мысли любовно, как девочка куклы. Я

уже немало слышал русских краснобаев, людей, которые, опьяняясь цветистым словом, часто – почти всегда – теряют тонкую нить правды в хитром сплетении речи. Но этот плёл свой рассказ так убедительно просто, с такой ясной искренностью, что я боялся перебивать его речь вопросами. Следя за игрой слов, я видел старика обладателем живых самоцветов, способных магической силою своей прикрыть грязную и преступную ложь, я знал это и всё-таки поддавался колдовству его речи.

– Началось, дружба милая, это самое дело: доктора призвали; осмотрел он, бесстыжие глаза, всю Ташу подробно, а был с ним ещё один хлюст, лысоватый такой, с золотыми пуговками, следовательно, что ли, – спрашивает: кто, когда? Она молчит, ей стыдно. Заарестовали меня, отвезли в губернию, в острог. Сижу. Лысый, это, говорит мне: сознайся, и будет тебе за то лёгкая казнь! Я ему добродушно предлагаю: «Отпусти меня, твоё высокородие, в Киев, ко святым мощам, грехи замолить». – «Вот, говорит, и хорошо, сознался ты!» Поймал, значит, меня, лысый кот! А я ни в чём ему и не сознавался, просто так от скуки слово бросил. Скушно было мне, непривышно в остроге-то, кругом воры, человекоубийцы и всякий дрянной народ, к тому же думается: «А что с Ташей сделают?» Больше года тянули канитель эту, потом начали судить. Гляжу – Таша тоже пришла, – в рукавичках, сапожки на ней, необыкновенно всё! Платице голубое вроде облака, – душа насквозь светится. Весь этот суд на неё смотрит и весь народ, и знаешь, дружба, как сон всё это! А рядом с Ташей госпожа Анцыферова, помещица наша, щука-баба, хитрейшего ума. «Ох, думаю, эта меня загрызёт, эта меня съест до костей!»

Он засмеялся как-то особенно добродушно.

– Сын у ней Матвей Алексеич, – я его за дурачка принимал, – скушное дитё! Белый весь, без кровинки, в очках ходил, волосы поповские, бородёнка – насмех, и всё он песни да сказки в книжечку записывал. Добряга, чего ни попроси – даёт! Ну, мужики этим пользовались: тот – косу дай, этот – дров, третий – хлеба, берут – кому чего надо, не надо. Я ему говорю: «Что ты, Алексеич, раздаёшь всё? Отцы, деды твои копили, наживали, шкуру драли с людей, не боясь греха, а ты раздаёшь без оправдания. Али тебе не жалко трудов человеческих?» – «Так, говорит, надо!» Не больно умён был, ну всё-таки тихой души парень. Потом его губернатор в Китай сослал, нагрубил он губернатору, а тот его – в Китай.

– Ну – суд. Оказался защитник у меня, часа два говорил, так руками и машет. Таша тоже за меня...

– Да ты – жил с ней?

Он подумал, как бы припоминая, потом равнодушно сказал, следя обнажёнными глазами за полётом ястреба:

– Бывает это – живут и с дочерьми. Даже святой один с дочерьми жил, с двумя, от них тогда пророки Авраам, Исаак родились. Про себя я не скажу этого. Конечно, играл с ней; дело зимнее, ночи длинные, скушно! Особливо же скушно такому, который вертеться на земле привык, ходить туда-сюда, а я таков был. Сказки рассказывал я ей, – сказок я знаю сотни. Ну, а сказка – вещь фальшивая. И – кровь горячит. А Таша...

Он закрыл глаза и, качая головой, вздохнул:

– Красавица же она была невозможная! А я тоже до женщин невозможный, совсем безумный!

Старик весь вострепнулся и – с восхищением, с гордостью – сказал, захлёбываясь словами:

– Ты – гляди, дружба: шестьдесят семь годов мне, а и теперь могу всякую женщину добрать до самого конца – вот оно как. Пяток лет спустя – какие кобылицы, бывало, молили меня: «Савёлушко, милый, отпусти, сил больше нет!» Пожалеешь, отпустишь, а – она через неделю опять тут. «Что, спрашиваю, пришла? То-то вот!» Женщина – это, дружба, большое дело, вся земля об этом бредит, – зверь, птица, малая букашка – все одним живы! Кроме-то – чем жить?

– Что же всё-таки сказала дочь на суде?

– Таша? Она придумала, – а то Анцыфериха научила её, я Анцыферихе полезный был, – она сказала, что сама себе вред сделала, а я – не виноватый. Ну, меня и отпустили. Зря всё у них это, так себе, напоказ, вот, дескать, глядите, как мы законы стережём! А всё – обман один, законы эти, приказы всякие, бумаги, ничего этого не надо, пускай всяк живёт как хочет! И дешевле будет и приятнее. Вот я живу, никому не мешаю и никуда не лезу...

– А убийцы – как?

– Их – убивать! – решил Савелий. – Который убил, его тоже прикончить, тут же на месте, – не дури! Человек не комар, не муха, не хуже тебя, сволочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.